

13. Цикин В. А. Нанофилософия как мировоззрение / В. А. Цикин // Філософія науки: традиції та інновації : наук. журнал. – Суми: СумДПУ ім. А. С. Макаренка, 2009. – № 1. – С. 31–39.
14. Цикин В. А. Философия образования: постнеклассический подход / В. А. Цикин, Е. А. Наумкина. – Сумы: СумГПУ, 2009. – 232 с.
15. Цикін В. О. Глобалізація: ноосферний підхід. Монографія. / В. О. Цикин – Суми: СумДПУ ім. А. С. Макаренка, 2007. – 284 с.

РЕЗЮМЕ

В. О. Пономаренко. Наноскладова комплексу NBIC-конвергенції і його вплив на соціальне буття людини.

В статті розглядається проблема наноскладової комплексу NBIC-конвергенції та її вплив на людину. Особлива увага в статті приділяється специфіці формування глобального суспільства під впливом нанотехнології і якісної трансформації усіх сфер соціального буття.

Ключові слова: NBIC-конвергенція, нано, нанонаука, нанотехнології, соціальне буття.

SUMMARY

V. O. Ponomarenko. Nanoconstituent of NBIC-convergence and its Influence on the Social Being of Man.

The article is devoted to the problem of nanoconstituent of NBIC-convergence and its influence on Man. The main accent is paid to the foundation of global society under the influence of nanotechnologies and quality transformation of all the spheres of social being.

Key words: NBIC-convergence, nano, nanoscience, nanotechnology, social being.

УДК 101.8 + 316.2

В. А. Цикин
Сумской государственной педагогический
Университет имени А. С. Макаренка

ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТИЦИЯ ФЕНОМЕНА РИСКА В ОБЩЕСТВЕ

В статье раскрывается сущность риска в обществе, анализируются его особенности на современном этапе под влиянием высоких технологий, проводится классификация рисков по разным основаниям. Особый акцент сделан на раскрытии методологического потенциала концепции риска в социуме для настоящего и будущего времени.

Ключевые слов: риск, общество риска, рискогенность, социальный риск, классификация рисков, цивилизационные риски, концепция риска, управление риском.

В конце прошлого века человечество оказалось перед лицом фундаментальных проблем: экологической, демографической, идеологической и информационной. Это свидетельствует о кризисе ценностно-мировоззренческих оснований общества, обусловившем необходимость выхода на новые горизонты интерпретаций и управления риском [5, 35–36].

Необходимость исследования феномена риска на современном этапе развития объясняется многими достаточно значимыми причинами. Это, прежде всего, возрастающая неопределенность социальной жизни. Ускорение темпа жизни, быстрая смена событий также выступают факторами, провоцирующими ситуации риска для человека. Сама человеческая деятельность все чаще становится причиной возникновения и эскалации всевозможных катастроф и кризисов (экономических, социальных, политических, экологических и т.д.), последствия и влияние которых оказываются весьма значительными для общества [1, 87–88].

В последнее десятилетие получил распространение еще один значительный фактор возникновения риска – социальные конфликты. Характерно возрастание конфликтных ситуаций, которое усугубляется набором существенных причин, таких как неумение эффективно управлять конфликтом, быстрое разворачивание конфликтных ситуаций, все большее усложнение структуры социальных конфликтов, как на макро, так и на микро уровнях развития общества, рост терроризма. Все социальные процессы, связанные с трансформацией общества, сопровождаются обострением социальных конфликтов и социальной напряженностью. Рост количества и разнообразие конфликтов, острота конфликтных ситуаций детерминируются вовлечением все новых социальных и профессиональных групп, общественных движений в процессы модернизации общества.

Интерпретация феномена риска в условиях современной темпоральности детерминируется происходящими в обществе изменениями. В связи с этим необходимо рассмотреть «риск» как объективное явление современности, связанное с процессами глобализации, информации, сетизации, наступлением эры постиндустриального общества под влиянием высоких технологий, и его интерпретация в дискурсе этих процессов [2, 81–82].

Когда речь заходит о риске, то сразу возникает необходимость в его интерпретации. Риск – это форма деятельности в условиях неопределенности при наличии возможности оценить вероятность ее результата. Но риск не только деятельность, но и характеристика состояния личности, группы, общества. *Общество риска – это специфический способ организации социальных связей, взаимодействий и отношений людей в условиях неопределенности, когда воспроизводство жизненных средств, физических и духовных сил человека приобретают не социально направленный характер, а*

преимущественно случайный, вероятностный, то есть происходит производство самого риска [1, 8].

Философия риска трактует анализируемые структуры и процессы как *вероятностные*. Поскольку никто не обладает абсолютным знанием о рисках, так как разные социальные группы имеют свои приоритеты, а связанные с ними эксперты дают различные прогнозы относительно масштаба возможного ущерба. В решениях, принимаемых политиками, всегда заложен риск. Вероятностный подход, лежащий в основе концепции риска, означает, что сегодня никакие проблемы не могут быть решены «полностью и окончательно». Следовательно, никакой социальной порядок, никакая модель общественного устройства не могут трактоваться как идеальные. Происходящие у нас на глазах трансформации зрелых, веками устоявшихся демократических режимов, лучшее тому подтверждение.

«Общество риска» возникает на основе распадающегося индустриального общества, постепенно вытесняя его, структурируясь вокруг производства рисков, доминирующих во всех его сферах и не поддающихся контролю со стороны общественных институтов. Если индустриальное общество полагалось на традиционные социальные нормы, образцы семейных отношений, то развитие общества риска радикально изменило социальную структуру, роль и значение семьи, профессий. На смену традиционализму и коллективизму приходит индивидуализация в обществе риска.

Типичные проблемы, присущие всем обществам риска, это своего рода дихотомии: богатство и бедность, образованность и полная безграмотность, ценность здоровья и борьба с наркоманией. Можно выделить дихотомию «положительный – отрицательный» риск, основываясь на отношении к риску как к позитивному или негативному явлению. В первом отношении риск это свобода выбора человеком, предоставляемая ему конкретными обстоятельствами, которые сами, как правило, альтернативны: это балансирование между стабильностью и нестабильностью (Д. Белл, Э. Гидденс, Н. Луман, А. И. Пригожин). «Положительный» характер риска связан с достижением поставленных целей, получением желаемого результата, возможным выигрышем при условии благоприятного стечения обстоятельств. На такой риск идут осознанно, обладая свободой выбора, действий.

В другом – «отрицательном» отношении риск может быть определен как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми процессом модернизации как таковым (А. С. Ахиезер, У. Бек, М. Кастельс, О. Н. Яницкий). Необходимо сформировать, актуальные к современной ситуации, механизмы преодоления негативных последствий риска социальных конфликтов, которые позволят свести уровень их проявления к минимальному значению. Для этого важно определить элементы, обеспечивающие эффективность социального взаимодействия.

Для решения данной задачи, прежде всего, следует обратить внимание на формирование соответствующей системы ценностей и принципов

эффективной коммуникации. Система ценностей концепции преодоления риска социальных конфликтов включает такие элементы: равнодушие к окружающему миру; нравственность, заключающуюся в формировании четких критериев добра, зла, блага; информационную активность индивидуума в окружающей среде.

Принципы эффективной коммуникации должны базироваться на адекватном прояснении конфликтной ситуации для ее непосредственных участников; концептуальной проработке конфликтологических проблем; очищении конфликта от эмоциональных наслоений; интегративности разрешения конфликта; важности участия в разрешении социального конфликта третьей незаинтересованной стороны.

Цивилизационные риски обусловлены состоянием экономики, техники, сложившегося политического устройства, уровнем развития культуры конкретного общества. Все цивилизационные системы содержат свои внутренние и внешние источники рисков. Образуя структурные элементы модели рискогенного общества, эти концепты неизменно содержат состояния неопределенности, потенциальные возможности для производства новых рисков [2, 74].

В исследованиях, посвященных риску, высказаны три взгляда, признающие объективную, субъективную и объективно-субъективную природу риска. *Объективность* риска связана с неопределенностью, опасностями жизни, богатством альтернатив и связей между субъектами и объектами, участвующими в рискованной ситуации. *Субъективность* отражает характер субъекта, принимающего риск, степень полноты, достоверности используемой информации. Риск и его границы во многом определяются той системой ценностей, которая сложилась у индивидуума к некоторому моменту жизни: человек боится потерять то, что важно для него.

Объективно-субъективное отношение к риску: риск, с одной стороны, объективная категория, поскольку в самой реальности присутствуют элементы, которые вносят неопределенность в наши действия, с другой стороны, содержание рискованного поведения субъективно, так как связано с личным выбором каждого индивида.

Объективные и субъективные факторы риска глобализации подводят к непрозрачности, нестабильности, неустойчивому характеру социальной жизни. Одной из важнейших причин риска глобализационных процессов являются фундаментальные различия в уровне социально-экономического и политического развития человеческих сообществ, в образе жизни, в отношении к основным проблемам бытия.

Проблемы рисков и рискогенности современного общества в свете неопределенности реальности, нестабильности социальных процессов активно исследуют за последнее время У. Бек, Г. Бехманн, Н. Луман и др. Особенности развития «общества риска» с нелинейной динамикой и многовариантностью перспектив его развития анализируются в рамках синергетики и социосинергетики. Работы И. Пригожина и И. Стенгерс, Г. Хакена, а также

исследования: В.И. Аршинова, В.П. Бранского, Л.Д. Бевзенко, В.В. Васильковой, И.С. Добронравовой, Е.Н. Князевой, С.П. Курдюмова, Л.В. Лескова, В.С. Лукьянец, А.П. Назаретяна.

Постнеклассическая методология позволяет наиболее емко обозначить не только сущностные, но и качественные, функциональные и ценностные характеристики общества риска, в котором риски носят нелинейный процессуальный характер, снимая различие между субъектом и объектом. Эта установка ориентирует на использование в рискологических исследованиях категорий «социодинамика риска», «порядок и хаос», «бифуркационная» и «эволюционная» динамика, «самоорганизация» и «организация».

Приложение социосинергетической методологии к анализу цивилизации позволяет исследовать риски в процессе макроисторических трансформаций, выделяя в качестве основных следующие типы: революционные, коэволюционные, инволюционные, эволюционные риски. Для поиска адекватных стратегий управления цивилизационными рисками необходимо учитывать как эпистемологические, так и социально-философские предпосылки риска. Типы рациональности: техногенной, социальной, экономической, экологической – образуют нормативное ценностное ядро стратегий управления риском, синтез которых представляет собой принцип минимизации негативных тенденций рискогенных трансформаций общества риска [9].

Для более адекватного понимания мировоззренческого, методологического и аналитического значения категории «риск» требуется синтез имеющихся достижений для раскрытия всей полноты этого многоаспектного явления.

Поиск адекватных мер, направленных на минимизацию риска, должен опираться на синтез экологической, этической и социальной рациональностей в рамках постнеклассической социосинергетической методологии. При этом необходимо учитывать сценарии развития ситуаций управления риском. Главные из них: 1) развитие форм контроля, основанных на сетевой логике; 2) естественная эволюция средств управления рисками; 3) технологическая эскалация при одновременном развитии вертикально – и горизонтально-интегрированных структур; 4) восстановление политического контроля над цивилизационным риском.

Всякое общественное производство имеет двойственную, созидательно-разрушительную природу. «Общество риска» – это такой взгляд на характер созидания общественной жизни, когда производство благ и бедствий, достижений и потерь, трактуются как две: онтологически и гносеологически равнозначные стороны данного процесса. Теоретически, существуют два качественно различных типа переходного общества: *созидательный* и *разрушительный*. В обоих производство богатства и рисков идут синхронно. Однако способ этих производств различен. Общества созидательного типа, несмотря на риски и опасности, осуществляют переход к высокой модернизации, наращивают свой творческий потенциал. Общества противоположного типа отмечены изменениями, связанными с демодернизацией.

Расходуя и просто расхищая свой креативный потенциал и ресурсы, необходимые для жизни, подобные общества становятся периферией глобального пространства (или могут вообще исчезнуть с исторической арены). Методологически философия риска исходит из того, что опасность, риск могут быть как результатом эволюции общественной системы, постепенно накапливаемых ею негативных изменений, так и продуктом целенаправленного конструирования и манипулирования.

Благодаря работам У. Бека, сформировался своеобразный подход к изучению социально-экологических проблем на основе концепции «общества риска». Этот подход позволяет описать поведение людей в неразрывной взаимосвязи чувств, ожиданий, стремлений, поступков, с одной стороны, а с другой – угрожающе изменяющихся в негативную сторону технологических, природных, экологических, социально-экономических, социокультурных факторов повседневного бытия [1, 42–53].

Риск – это систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми процессом модернизации как таковым. Во многом социальную реальность допустимо интерпретировать как производство рисков, производство легитимное и осуществляемое во всех основных сферах жизни общества.

Изучение современных концепций социального риска, акцентирование внимания на его аксиологической составляющей, позволяет дать такое определение феномену риска: *социальный риск* – это способность восприятия индивидуумом или группой индивидуумов неблагоприятных условий окружающей среды, в зависимости от субъективных личностных особенностей и возможностей.

Определение сущности социального риска позволяет произвести его классификацию, разделив на следующие типы.

1. *В зависимости от субъекта риска*: индивидуальный риск; групповой риск; коллективный риск; общественный риск; цивилизационный риск.

2. *В зависимости от объекта риска*: материальный – нематериальный риск; физический – моральный риск. Материальный риск связан с угрозой потери ресурсов, средств существования индивидуума, нематериальный – с угрозой утраты занимаемого положения, имиджа, авторитета. Физический риск имеет отношение к угрозе физическому здоровью, жизни человека; моральный риск затрагивает психологический и нравственный аспекты человеческой жизнедеятельности.

3. *В зависимости от реакции субъекта на неблагоприятные условия окружающей среды* можно выделить: деятельностный риск; бездеятельностный риск. Деятельностный риск связан с возможными опасностями, возникающими в результате определенных действий, реакций индивидуума на возникшую неблагоприятную ситуацию. Бездеятельностный риск может быть вызван отсутствием какой-либо реакции субъекта на существенное изменение условий окружающей среды.

Итак, философия риска рассматривает «последствия» социального действия как одну из центральных проблем научного анализа. Тем самым эта дисциплина расширяет методологические границы своего интереса, имея концептуальной задачей изучение всей совокупности производства благ и бедствий, действий и последствий, решений и их результатов: как явных, так и недоступных пока социологическому анализу. Созидание и разрушение трактуются философией риска как *норма* общественного производства.

Концепция общества риска придает фундаментальное значение *среде обитания* человека во всех ее измерениях. Чем интенсивнее мир будет глобализироваться, тем большую роль среда станет играть в процессах социального производства и воспроизводства. Среда жизни не инертна: риски, носителями которых могут быть как природные вещества и процессы, так и социальные факторы, попадая в среду, мигрируют в ней, накапливаются, трансформируются и возвращаются к человеку в форме новых вызовов к устоявшимся практикам и социальному порядку. В известном смысле общество риска можно определить как общество «средовых вызовов и императивов». Поэтому, акцентируя значение детерминации будущего – прошлым, социального действия – социокультурной средой, данная концепция методологически является социоисторической.

В обществе риска само представление об общественном благе становится весьма проблематичным, поскольку существенной функцией риска является *торговля общественной безопасностью*, которая продается частным потребителям за деньги. В обществе риска общественное благо не является способом гарантии общественной безопасности или формой социальной защиты, равно как и не обеспечивает равенство граждан перед законом. В этих условиях общественное благо представляет собой конкретное ограниченное благо, предоставляемое клиенту за плату некоторой теневой структурой, которая узурпировала это право.

Еще одна проблема, к которой подводит нас рискологический анализ. Это стихийные бедствия, техногенные аварии и затяжные вооруженные конфликты, которые порождают *гуманитарные катастрофы* - ситуации, когда сообщества людей не способны прокормиться собственным трудом и могут существовать только за счет притока извне ресурсов, новых технологий – хай-тек [6]. Это вызывает необходимость интерпретировать и исследовать гуманитарные катастрофы как специфический тип социального порядка и образа жизни. Появление наряду с «оазисами» модернизации скрытых и явных зон гуманитарных катастроф есть прямое подтверждение основного тезиса о принципиальной двойственности процессов социальных изменений.

Среди ученых нет единства взглядов по оценке западной либеральной цивилизации и перспектив развития человечества в XXI столетии. Наряду с фукуямовским оптимизмом относительно либеральной эры имеются пророчества жестокого противоборства цивилизаций, в первую очередь, западной, исламской и православной [12, 81].

Как показывает мировой опыт, страны, которые сознательно избегают участия в мировом рынке посредством жесткого протекционизма и сепаратизма, сильно отстают. Выход один – перспективы национально-государственных образований должны рассматриваться в координатах информационно-технологической революции. Здесь возникают особые проблемы, в частности, использования экспорта как средства приобретения технологий на мировом рынке – в большей степени в виде высоких технологий, изыскания возможностей крупных инвестиций в науку, технологию и высшее образование [9, 89].

Сегодня эти различия настолько велики, что можно сказать, что человечество живет в разных измерениях. Международное сообщество пока не нашло приемлемого пути решения этой сложной проблемы. Существующая модель развития, благодаря которой был создан беспрецедентный уровень благосостояния и власти меньшинства, в настоящее время угрожает жизни как богатых так и бедных. В связи с этим Д. Сорас пишет: «Эта модель роста и, связанная с ней структура производства и потребления, не является устойчивой для богатых и не может быть взята бедными. Следование этому пути может привести к концу нашей цивилизации. Расточительный и разрушительный образ жизни богатых не может сохраняться за счет жизни и условий существования бедных и природы» [11, 19].

Он считает, что мировой капитализм страдает от «рыночного фундаментализма», и последний представляет большую опасность, чем «тоталитарная идеология». Здесь Д. Сорас имеет в виду, прежде всего, несостоятельность политики и распад нравственных ценностей как на национальном, так и международном уровнях [11, 14]

Каковы особенности проявления общества риска в современных условиях? К важнейшим особенностям относятся следующие:

1. Глобализация риска, которая приобретает необычайный размах, затрагивая большие массы людей (финансовые рынки, военные конфликты, повышение цен на нефть и др.).

2. Институционализация риска, то есть появление организаций, принимающих его в качестве принципа собственного действия (рынки инвестиций, азартные игры, спорт, страхование).

3. Возникновение или усиление риска в результате непреднамеренного побочного эффекта (экологическая безопасность как следствие индустриализации, новые «болезни цивилизации», которые связаны с профессиями или стилем жизни, типичными для современного общества).

Во всех обществах риска семья и религия утрачивают первостепенное значение как институты социализации, вытесняемые средствами массовой информации. Телевидение и Интернет превратились в ключевые факторы молодежной субкультуры [8, 40]. В итоге на смену традиционализму и коллективизму приходит индивидуализация, когда каждый человек конструирует свою жизнь как может, с индивидуально обусловленными

траекториями в труде, в образовании, в заработке, в потреблении и других сферах.

В обществе риска политика все более превращается в манипулирование обществом, ресурсами которого выступают экономическое или силовое принуждение, блокирование самоорганизации снизу. Для политической жизни характерны крайний цинизм, равнодушие власть предержащих к гарантиям личных прав и свобод всех остальных. В повседневных практиках большинства групп населения преобладают потребительский и перераспределительный мотивы. Трудовая этика в массе населения утеряна: благополучие приносят связи, знакомства, удача, наконец, принуждение и насилие, но не повседневный напряженный труд. Созидание как основополагающая форма социального действия теряет смысл. Источники ресурсов видятся не в инвестициях или мобилизации интеллектуального потенциала, а в силовом перераспределении уже кем-то «приватизированных» ресурсов.

В глобализирующемся обществе риска существенно возрастает *цена времени* как параметра любого социального действия. Нельзя переждать, перетерпеть проблемы, порождаемые этим обществом. Чем дольше оттяжки, бездействие, (неважно, вызваны они недостаточным знанием о риске, сопротивлением риск-производителей, бюрократическими проволочками или отсутствием надлежащих ресурсов), тем выше плата за риск. Поэтому необходима постоянная и интенсивная всесторонняя оценка, конструирование новых средств защиты. Проблема времени имеет также и культурное измерение. Мы привыкли говорить о культуре как хранилище ценностей, знаний, умений, то есть интеллектуальных и моральных благ. В условиях нарастающей скорости перемен *культура просто не успевает дать ответ на вызовы*, порождаемые все новыми рисками. И тогда культура отстывает, санкционируя архаичные ценности и силовые практики [3, 244].

Процесс глобализации лишь усиливает растущую неопределенность, неоднозначность условий человеческого существования. На самом деле, в каком мире мы живем? Ни мира, ни войны, или одновременно – и мир, и война? Но что это за мир, когда природные и рукотворные катастрофы уносят тысячи жизней? И что это за война, которая не объявляется и ведется параллельно с поставками гуманитарной помощи? По каким правилам живем: по закону или «по понятиям»? Помогают ли старые практики адаптироваться к стремительно изменяющимся состояниям среды человеческого обитания? Или же адаптация отождествляется с «выживанием», когда любые средства хороши?

Философии еще предстоит как то квалифицировать это состояние перманентной неопределенности условий человеческого существования. «Риск человеческого истребления может быть недооценен, поскольку человечество никогда не сталкивалось с этим событием» [10, 186]. На наш взгляд, это и есть та новая социальная реальность всепроникающего и всеохватывающего риска, в которую вступает наше общество. Обратная сторона этого состояния –

коллективная безответственность, невозможность вычисления конкретного виновника риска.

Как складывается социальный порядок в нашей стране в условиях общества риска? От общества, в котором регламентировались все сферы жизни, Украина перешла к обществу риска, в котором вместо концепции государственного патернализма сложилась «модель выживания как метод адаптации населения к тяготам реформ». В нашем обществе накапливается риск отчуждения граждан от своих конституционных прав, усиливается вероятность дальнейшей эскалации риска сепаратизма в стране.

Сегодня в украинском обществе нет консенсуса относительно базовых ценностей и целей. Нет и согласованного проекта будущего. Мир представляется потенциально опасным, состоящим из враждующих группировок. Уровень доверия к государственным структурам низок. Защиту может обеспечить только принадлежность к «своим». Отсюда – основополагающей нормативной моделью общества является безопасность, выживание, сохранение накопленного или ранее приобретенного опыта.

Еще одна грань рискогенности культуры новой Украины состоит в том, что отчужденность, заброшенность маленького человека, став нормой его жизни, еще не получила адекватного культурного «ответа». Даже Чернобыль, шоковая терапия, дефолт и другие мега риски последних десятилетий все еще осваиваются «человеком улицы» в терминах *традиционной культуры* – как беды, несчастья и напасти.

Характеристикой украинского общества риска является демодернизация, которая является результатом как сознательно разрушающих действий, так и самораспада некоторой организации (института) вследствие резкого изменения условий ее существования. Во всех случаях на начальном этапе выживают архаические социальные структуры. В самом деле, в ходе реформ первыми в Украине деградировали структуры «всеобщего труда»: наука и высокие технологии. За ними последовала индустрия – городская и сельская. Затем – городские и иные социальные и социотехнические структуры. Однако слой кланово-корпоративных структур, прежде всего тех, кто владел источниками сырья или имел к ним доступ, не только сохранился, но значительно расширился. Демодернизация так же рискогенна, как и форсированная модернизация.

Названные и другие компоненты существующих в украинском обществе взглядов на мир не являются результатом углубленной рефлексии. Они или заимствованы на Западе (либерализация), или же извлечены из советского опыта (всеобщая управляемость). Каковы выводы следуют из этого.

Во-первых, всякий социальный порядок зиждется на «абстрактных системах» и доверии к ним. Если каждый раз эти институты и правила конструируются самими игроками «по случаю», то такого рода неформальные отношения разрушают социальный порядок.

Во-вторых, конечно, формальные институты и писанные законы в Украине существуют, но их реальное действие ситуативно, то есть подчинено

сиюминутным интересам действующих авторов. В обществе риска *утилитаризм* становится главенствующим принципом организации социального порядка и поддерживающих его институций.

В-третьих, в обществе нарушен сам механизм формирования социального порядка: социальная рефлексивность общества, под которой понимается критика этого порядка «изнутри», посредством формирования социальных движений и их активного участия в политических процессах, очень слаба. Превращение выборов в торг населения с властями – один из индикаторов этой ситуации.

В-четвертых, сегодня социальный порядок в Украине находится под давлением внешних сил. «Периферийная» и вечно в чем-то виноватая Украина не просто устраивает транснациональные корпорации и международные финансовые институты. Подобный образ государства и общества становится поводом для дальнейшей реконструкции украинских порядков по образцам, навязываемым странами «золотого миллиарда».

В-пятых, в социальном порядке общества риска всевозрастающий вес приобретает его *кризисная, чрезвычайная составляющая*. Теракты и катастрофы становятся настолько перманентными, что в мирное время социальный порядок все чаще обеспечивается чрезвычайными мерами и средствами. Почти каждое мирное массовое событие (религиозный, гражданский или профессиональный праздник, спортивное мероприятие, государственный визит, избирательная кампания) обставляется как «чрезвычайное». Соответственно, идет быстрое наращивание мускулов «чрезвычайных» министерств и ведомств.

Сегодня украинское общество подошло к некоторому качественному рубежу, когда норма и патология не только все более взаимопроникают, но и меняются местами. Это порождает кризис личностной идентификации. В самом деле, если диплом – фиктивный, справка о здоровье и работе – липовая, а сама работа и вся повседневная жизнь – «с двойным дном»; то кто же тогда «Я»? Здоровый и больной, честный и вор, законопослушный гражданин и член криминального сообщества – и все это одновременно? Человек не может бесконечно вести двойную жизнь, оставаясь цельной личностью. Рано или поздно эта двойственность проникает внутрь человеческого «Я» и раскалывает его. Но такое состояние не может продолжаться долго, когда речь идет о личности деятельной, активной.

Перед Украиной стоит гигантская по трудности задача: не только затормозить, а и преодолеть сложившуюся социальную динамику, изменить отношение активного большинства общества к ней. Справится ли общество с нею, покажет время.

К общим репродуктивным основаниям риска в молодежной среде относятся: на рынке труда – безработица, в образовании – неравенство возможностей его приобретения, в семье – распад традиционной семьи и появление множества ее суррогатов, в бизнесе – низкая конкурентно способность молодых предпринимателей. Возникла опасность для украинской

молодежи: изменение ориентаций в сфере потребления. Завышенные потребности, не подкрепленные добросовестным трудом, рано или поздно приведут к криминалу.

Теневые отношения, коррупция, криминал, загрязнение среды обитания – эти и другие риски суть неизбежные спутники социальной динамики всякого общества. Весь вопрос в том, какое место они занимают в данной динамике и как общество к ним относится. Если эта динамика осуществляется в рамках социального порядка, основой которого являются право, складывается одна картина. Если же основа динамики – жизнь «по понятиям» и значительная часть общества считает это нормальным, то такое общество и есть общество всеобщего риска [2, 93].

Итак, на рубеже веков риск под влиянием высоких технологий становится наиболее общей характеристикой современных обществ. Молодые поколения в них обрели способность не только преодолевать с той или иной степенью успеха состояния неопределенности, но и воспроизводить риск. Это и есть характерная черта нового поколения, стартующего в XXI век. В настоящее время в ходе постиндустриальной трансформации западноевропейской цивилизации, постнеклассическая парадигма становится интегрированным и ценностно-ориентированным комплексом экономической, технико-технологической, социальной и научной рациональностей и является основой стратегии управления глобальными рисками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиции, 2000. – 384 с.
2. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знания. – М. : Логос, 2010. – 248 с.
3. Бостром Н. Угрозы существованию: анализ сценариев человеческого вымирания и других подобных опасностей // Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего. – М. : ЛКИ, 2008. – С. 226–274.
4. Горохов В. Г. Роль фундаментальных исследований в развитии новейших технологий / В. Г. Горохов, А. С. Сидоренко // Вопросы философии. – 2009. – № 3. – С. 67–76.
5. Диев В. С. Управление. Философия. Общество В. С. Диев // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 35–41.
6. Жукова Е.А. Hi-Tech: феномен, функции, формы / Е. А. Жукова. – Томск, Том. гос. пед. ун-т, 2007. – 376 с.
7. Зотов А.Ф. Научная рациональность: история, современность, перспективы / А. Ф. Зотов // Вопросы философии. – 2011. – № 5. – С. 5–18.
8. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
9. Мамчур Е.А. Фундаментальная наука и современная технология / Е. А. Мамчур // Вопросы философии. – 2011. – № 3. – С. 80–90.

10. Новые технологии и продолжение эволюции человека? Трансгуманистический проект будущего. – М. : ЛКИ, 2008. – 320 с.

11. Сорас Д. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / Д. Сорас. – М. : ИНФРА, 1999. – 262 с.

12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.

РЕЗЮМЕ

Цикін В. О. Філософська інтерпретація феномена ризику в суспільстві.

У статті розкривається сутність ризику в суспільстві, аналізуються його особливості на сучасному етапі під впливом високих технологій, проводиться класифікація ризиків на різних підставах. Особливий акцент зроблений на розкритті методологічного потенціалу концепції ризику в соціумі для сьогодення і майбутнього.

Ключові слова: ризик, суспільство ризику, ризикогенність, соціальний ризик, класифікація ризиків, цивілізаційні ризики, концепція ризику, управління ризиком.

SUMMARY

Tsykin V. O. The Interpretation of Fenomena of the Risk in Society.

The essence of risk in society, its features at the present stage under the influence of high technologies are analyzed, classification of risks by the different bases is conducted in the article. The special accent is made on disclosing of methodological potential of the risk conception in society for the present and the future.

Key words: risk, society of risk, the origin of risk, social risk, classification of risks, civilization risks, risk conception, management of a risk.